

РЕФЛЕКСИЯ И ТВОРЧЕСТВО

Рефлексия – атрибутивное свойство человеческой жизнедеятельности. Человек – принципиально рефлекслирующее и рефлекслируемое существо, он одновременно и субъект, и объект рефлексии. Принципиальная субъект-объектная рефлексивность имманентно свойственна также человеческим общностям всех исторических качественно-количественных и сущностных уровней и типов существования. Глубинные основания рефлексии индивидов и ихних социальных объединений коренятся в универсальной человеческой деятельности, творческом расширенном производстве и воспроизводстве общественно-предметного мира культуры человека и всего человечества. И все в этом едином трансгисторическом способе бытия людей, от глобальных форм освоения ими действительности, до самых частных деяний конкретных индивидов, непременно связано с теми или иными формами и способами рефлексии, относящимися к прошлому, настоящему и обязательно определенной мерой и к будущему.

Одной общепринятой дефиниции рефлексии (*reflexio* – с познелатынского – обращение назад) не существует, поскольку сие определяемое является многогранным и полифункциональным образованием, которое в различные исторические эпохи, в границах различных систем координат с необходимостью видоизменяется. Несмотря на такое, существует три взаимодополнительных родовых признака, которые общи (хотя чаще всего и не равнозначны относительно друг друга) для всех без исключения развитых видов и родов рефлексии: а) *самосознательность* (в самом широком и полном объеме); б) *самопознавательность* (включая в себя как собственно познавательную, так и мыслительную составляющие); в) *соотносительность* элементов сознания, познания, мышления и на внутренних, и на внешних уровнях ихних взаимодействий, а также соотносительность элементов всего

комплекса «сознание – познание – мышление» с объект-предметной действительностью (включая в себя и все те случаи, когда предметно-осознаваемым полем становятся сами субъект-объектные и субъект-субъектные отношения).

Философская рефлексия достигла своего зрелого уровня совершенства в учениях представителей классической немецкой философии, на поприще создаваемых этими мыслителями феноменологии, гносеологии и логики. Понятно, что начинать изучение названных сфер рефлексивной культуры необходимо с философской системы И. Канта, а точнее, с его теории познания.

Кантовское учение о рефлексии прежде всего изложено в его «Критике чистого разума» (1781), которую некоторые авторитетные кантоведы удачно называют «гносеологической логикой», поскольку здесь, чаще всего противоречивым способом, новаторское по своей сути трансцендентально-продуктивное познавательное содержание формируется, надстраивается и совершенствуется на все еще традиционном для того времени формально-логическом основании. Только с учетом этих, так сказать, гносеологическо-логических обстоятельств и становится возможным адекватное воспроизведение как тех смыслов, которые вкладывал сам Кант в понятие «рефлексия», так и понимание способов проявления познавательной и мыслительной рефлексии там, где сам философ в своем учении по понятным историческим причинам «узреть» был бессильным.

Изложенная Кантом в «Критике» 1781 года гносеология в последовательно критических формах воспроизводит познавательный процесс, суть которого состоит в обработке «трансцендентальным субъектом», оснащенного априорными средствами познания, апостериорного материала, в результате чего и возникает знание. Основоположным противоречием процесса познания здесь выступает противоречивая взаимосвязь между чувственным и рациональным. В этих противоположностях заключены и источники, и средства познания. На стороне чувственности – это «ощущения», «восприятия», «представления», «созерцания» (как апостериорные, так и

априорные), на стороне же рациональности – это «рассудочные категории» и соответствующие им суждения, а также «трансцендентальные идеи» разума. Помимо этого, на уровне уже возникшего «познавательного опыта» в этой гносеологии наличествуют еще и общие для чувственного и рационального «аксиомы созерцания», «антиципации восприятия», «анalogии опыта» и «постулаты эмпирического мышления». Как у каждого внутрисущностного противоречия, в Кантовой взаимодополнительности чувственного и рационального имеется «основание», из которого возникает данное противоречие и в которое в результате своего разрешения оно погружается. Таковым основанием есть взаимоопосредствование «синтетического единства сознания» с «объективным единством самосознания». Наконец, для объяснения взаимного перехода чувственного с рациональным в данной «Критике» обосновываются непосредственные связующие звенья – «фигурный синтез» и «трансцендентальная схема». Источником этих гносеологических средств – «чувственных понятий», есть «продуктивное воображение», которое одновременно культивирует и «способ действия» субъекта (понятие) и воплощение его в наглядные «эмпирические созерцания».

Сферой взаимоопосредствования чувственного и рационального у Канта ограничивается та сфера познавательного процесса, которая связана с операциями «рассудка». Там же, где исчезает возможность формирования познавательного «опыта», где отсутствует познавательный «эмпирический материал» у трансцендентального субъекта его рассудок превращается в «разум», который начинает уже оперировать лишь только «идеями», выполняющими «регулятивные» (ориентационные) функции, в отличие от «конститутивных» (законосообразных) функций «рассудочных понятий». Так вот. На стыке полномочий рассудка и разума Кант размещает группу понятий, которые у него получают название «амфиболий», проистекающих от «смещения объекта рассудка с явлением» или «рефлексивных понятий». В «Критике чистого разума» различаются два вида рефлексии. 1. «Логическая рефлексия» – такое сравнение эмпирических понятий (представлений), где

отвлекаются от тех познавательных способностей, к которым принадлежит их содержание. Это «простое сравнение» (суждение), достоверность которого не нуждается в «исследовании» (например, таковым является суждение: «между двумя точками можно провести только одну прямую линию»).

2. «Трансцендентальная рефлексия». Здесь уже налично «распознавание» – «сравниваются ли представления друг с другом как принадлежащие к чистому рассудку или к чувственному созерцанию». Кант выделяет четыре пары соотносительных, «рефлексивных понятий»: а) «тождество и различие»; б) «согласие и противоречие»; в) «внутреннее и внешнее»; г) «материя и форма». Непосредственной целью кантовской концепции «рефлексивных понятий» – было продемонстрировать к каким негативным последствиям приводит смешение («амфиболии») объектов познания (их отнесенность то к деятельности рассудка, то к эмпирическому миру явлений) на поприще науки и философии. Определенной мерой этой цели мыслитель в границах своего типа философствования достиг. Однако, Кантово обнаружение и истолкование «рефлексивных понятий», самой постановкой данной проблемы далеко выходит за те параметры, которыми ее обозначил сам философ. Ведь по Канту, «амфиболии» (сравнительные понятия) являются «всяким сравнением и различением представлений» «предшествующим понятиям о вещах», так сказать, прямому применению категорий к миру явлений. Но соотнесенность понятий, «всякое» сравнение и различение форм познания и знания, может быть разного уровня глубины локализации (и на уровне эмпирических представлений, и на более глубинных, сущностных уровнях). У самого Канта соотнесенность тех же «материи и формы» обнаруживается и на уровне чувственности (апостериорное содержание и априорная форма) и на уровне рассудочного познания (все «суждения опыта» – различные модификации взаимосвязи «категорий», как форм, с содержанием, как теми или иными «суждениями восприятия»).

Изложенная в «Критике чистого разума» гносеология специфична. Это не «философская» теория познания, а преимущественно теоретическое учение

отвечающее на вопрос: «Как возможно чистое естествознание?». По убеждению Канта, такое теоретическое естествознание возможно благодаря наличию у трансцендентального субъекта совокупности «категорий», которыми он обрабатывает существующий (и даже возможный) массив эмпирических явлений, но только тех явлений, которые относятся к «ведомству» естествознания. Сам по себе категориальный строй естественных наук априорный и неизменный. Эмпирическое же поле этого типа познания изменчиво (раньше оно было меньшим, а со временем стало большим и т. д.). Более того, именно различное сочетание категориальных операций рассудка «привносит» в мир естественнонаучного познания «трансцендентальное законодательство природы», «всеобщие законы природы» (одни из которых «были открыты» раньше, другие – позже и т. д.). Но подобные законы не могут «проявиться» вне зоны действий естественнонаучного категориального арсенала. Понятно, что человеческое познание далеко выходит за границы своих «математического», «естественнонаучного» и «метафизического» (философского) процессов, которые исследуются в «Критике» 1781 года в соответствие со способностями «чувственности», «рассудка» и «разума». Та же часть познания, которая не покрывается названными познавательными областями, изучается Кантом в «Критике способности суждения» (1790), без осмысления которой и кантовская гносеология, и его учение о рефлексии предстают перед нами неоправданно усеченными.

Главная особенность «Критики» 1790 года состоит в том, что здесь разворачиваются все основные формы реализации «способности суждения» – способности «подводить особенное под общее». Если в «Критике чистого разума» эта способность была «запрограммирована» категориальными операциями рассудка в границах «всеобщих законов природы», то в этом произведении способность суждения сама реализует себя в огромном мире «частных», «эмпирических законов», т. е. фактически действует в автономном режиме. По Канту, «природа» «составляет систему по трансцендентальным законам, ... которые a priori дает нам рассудок» и тем самым «устанавливает

границы всякого возможного опыта». В связи с этим и сам опыт «должен составлять (в идее) систему возможных эмпирических знаний, по общим и частным законам...». «Предположение» о «сродстве» всеобщих и эмпирических законов философ считает «необходимым» и называет его «трансцендентальным принципом способности суждения». В кантовском разумении, «эмпирические законы» (необходимые положения познания разной степени общности) в своем совершенствовании «ассимптотически» движутся ко всеобщему (априорным законам рассудка) но никогда не достигают его. Кант в «Критике способности суждения» различает «определяющую способность суждения» от «рефлексирующей способности суждения». Первая есть «способность определять лежащее в основе познания понятие к данным эмпирическим представлениям» (т. е., подведение предмета под уже имеющееся готовое понятие); вторая – «означает сравнивать и соединять данные представления либо с другими, либо со всей познавательной способностью по отношению к понятию, возможному благодаря этому» (т. е., способность искать для предметов понятие которого еще нет, новое понятие). По убеждению философа, без «принципа рефлексии» (способности делать предположение о наличии для некоторой совокупности предметов-представлений общего понятия) «всякое рефлексирование производилось бы наугад и вслепую», да и вообще отсутствовала бы надежда на то, «чтобы ориентироваться в лабиринте многообразия возможных частных законов». Существование же «принципа рефлексии» позволяет субъекту познания, с одной стороны, осуществлять «спецификацию понятий» (деление общих понятийных определенностей на виды, подвиды и даже индивиды), а с другой, – «классификацию многообразного» – сравнение между собой многих классов предметностей, подчиненных определенным понятиям, подведение их под более высокие классы (роды), пока не достигается понятие, содержащее в себе «принцип всей классификации», «составляющее высший род».

Именно вскрытая Кантом всеобъемлющая спецификация-классификация понятий посредством способности суждения свидетельствует о тотальной

рефлексивности всего объема и эмпирического сознания, и эмпирического познания, равно как и других уровней и способов сознания-познания. Более того, «рефлексивная способность суждения» является единым основанием всей кантовской «телеологии» (теории целесообразности в природе, человеческом труде и искусстве), что обязывает исследователей задумываться над значением и ролью рефлексии во всех сферах духовной культуры.

Понятно, что лишь пунктирно обозначенное в этом тезисном тексте Кантово учение о рефлексии в объеме двух «Критик» (1781 и 1790 годов) требует своего дальнейшего полного и последовательного переосмысления. Первостепенными же критериями такого переосмысления должны выступить те произведения представителей немецкой классической философии, в которых освещение данной проблематики достигло кондиций дискурсивности и системности. Речь прежде всего идет о «Системе трансцендентального идеализма» (1800) Ф.В.И. Шеллинга, а также «Феноменологии духа» (1807), «Науке логики» (1812-1816) и «Философии духа» (1817) Г.В.Ф. Гегеля.